
ІСТОРІЯ ЛІТЕРАТУРИ ТА СУЧАСНИЙ МИСТЕЦЬКИЙ ПРОЦЕС

УДК 82–31:821.161.1

Н. В. Подмогильная

ПУШКИНИЗМ А. И. КУПРИНА

Рассматривается вопрос о влиянии на творчество А. И. Куприна Пушкина, поклонение таланту которого у Куприна сохранялось на протяжении всего творческого пути. Пушкинизм у Куприна обнаруживается как некий эстетический код, пронизывающий все уровни поэтики его художественных текстов – и образность, и характеристики персонажей, и мотивы. Высокая интенсивность, широкая амплитуда и настойчивость поиска знания жизни, людей, новых впечатлений – самоочевидный факт. Однако в ситуации обновления и насыщения социальных и эстетических интересов неизменными для писателя остаются культурные константы, и одна из самых прочных среди них – пушкинский вектор.

Ключевые слова: А. И. Куприн, А. С. Пушкин, пушкинизм, влияние, мотив, текстологический анализ.

Пик научного интереса к творчеству А. И. Куприна, кажется, давно пройден. Максимальный исследовательский интерес – и по содержательным, и по количественным характеристикам – к Куприну фиксируется в 60–70-х гг. XX в. Но и сейчас время от времени появляются отдельные статьи [15; 16; 20] и работы диссертационного формата [2; 18], свидетельствующие о значимости художественных достижений писателя, чье имя постоянно повторяется в ряду представителей реалистического направления русской литературы начала века: И. Бунина, М. Горького, Л. Андреева, В. Вересаева и др.

Целью данной **статьи** является изучение вопроса о присутствии в художественном мире Куприна А. С. Пушкина, поклонение таланту которого сохранялось у Куприна на протяжении всего творческого пути. Реализовать эту цель попытаемся через текстуальный анализ прозы Куприна, что и составляет задачу работы. Актуальность заявленной темы объясняется, в частности, тем, что ни в одной из известных работ, даже в таких глубоких и обстоятельных, как монографии, учебные пособия и статьи Ю. В. Бабичевой, А. А. Волкова, Л. А. Колбаевой, Л. В. Крутиковой, Н. Е. Крутиковой, О. Н. Михайлова, А. Г. Соколова, Л. П. Трофимовой и др., этот вопрос даже не сформулирован, хотя особенности жанра и стиля прозы Куприна не один раз соотносились с традициями Л. Н. Толстого [3; 4], Н. В. Гоголя [6] и других авторов – предшественников и современников Куприна. Между тем наличие органической связи прозы Куприна и других художников слова отмечали уже современники писателя: “Его [Куприна. – Н. П.] простой, не умни-

чающий, а умный рассказ, его наблюдательность, его внимание и уважение к обыденному – все это соединяет его перо с большими старыми мастерами русского слова” [14, с. 424], – писал В. В. Розанов.

Едва ли не единственным исследователем, акцентировавшим момент присутствия пушкинского слова в художественном мире Куприна, была А. А. Хван, в чьей кандидатской диссертации, защищенной чуть больше десяти лет назад, параллельно с рассмотрением философской концепции Эроса в творчестве И. А. Бунина и А. И. Куприна затрагивается вопрос о влиянии пушкинских образов и мотивов на художественную структуру некоторых произведений Куприна.

Между тем и собственные признания Куприна, и воспоминания людей, близко знавших писателя, свидетельствуют о том, что он с юности и до конца своих дней трепетно и любовно относился к пушкинскому творчеству, многие тексты знал наизусть и часто цитировал. Так, прекрасный знаток творчества Куприна Л. П. Трофимова замечает: “В число любимых писателей Куприна входят Л. Толстой, Чехов, Горький, Гамсун, А. Дюма, Оскар Уайльд. Кумиром всей его жизни был гармонический Пушкин” [17, с. 142]. Или у другого автора, лично знавшего Куприна, читаем: “Это был человек удивительной душевной тонкости, чутко реагирующий на прекрасное, влюбленный в Пушкина, в цветы, в море, в русский лес, боготворящий женскую красоту...” [19, с. 174]. Ученые опираются и на свидетельства членов семьи писателя: “Духовной поддержкой для Куприна служат произведения любимых писателей – А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, которые

приобщают его к России, к жизни родного народа. Вспоминая отца в этот период, К. А. Куприна писала: “Сидя рядом с портретом Л. Толстого, с которым он никогда не расстанется, он сам себе читает Пушкина или Толстого наизусть...”. Толстой для Куприна, как Пушкин и Репин, является олицетворением величия, мощи, талантливости русского народа [3, с. 181–182]. То есть в известном смысле Пушкин для Куприна – это рифма к гармонии жизни, выразительное и вербализованное ее средоточие, Пушкин включен в общую систему того, что, пожалуй, всякий художник отнесет к эстетическому идеалу, к прекрасному в жизни. Причем в некоторых произведениях, как, к примеру, в “Игрушке”, устами одного из персонажей, выступающего как “alter-ego” автора, прямо говорится о пушкинских стихах: “...он <...> сделал надпись из своего любимого поэта [курсив наш. – Н. П.]: “Что прошло, то будет мило” [8, с. 325]. Можно предположить, что автор привел цитату, именно цитату, поскольку в тексте приведенные слова выделены графически, по памяти, несколько исказив слова из пушкинского стихотворения “Если жизнь тебя обманет...”: “Что пройдет, то будет мило” [12, с. 96].

Пушкинизм у Куприна обнаруживается как некий эстетический код, пронизывающий все уровни поэтики его художественных текстов: и образность, и характеристики персонажей, и мотивы. Так, нередко возникающий в произведениях Куприна мотив карточной игры, особенно очевидный в повести “Впотьмах” и рассказе “Счастливая карта”, логично, на наш взгляд, было бы соотнести с пушкинской “Пиковой дамой”, где этот мотив выступает в качестве одного из важнейших сюжетобразующих, одного из семантических центров содержательного плана повести. Если учитывать репертуар чтения и литературные пристрастия Куприна, то с большой долей вероятности можно утверждать, что инвариантной основой его рассказа “Счастливая карта” стала именно пушкинская “Пиковая дама”, а не известные в русской литературе допушкинского периода упоминания карточной игры как важной культурной реалии в произведениях В. Майкова и Г. Державина или более поздних Н. Гоголя и Ф. Достоевского. “Рассматривая различные сюжетные тексты, мы легко убеждаемся в сводимости их к некоторому, поразительно ограниченному, количеству инвариантных сюжетов, – замечал Ю. М. Лотман. – Эти сюжеты не только повторяются в самых разнообразных национальных культурах, но и, проявляя исключительную устойчивость, пронизывают литературные тексты от древнейших реконструируемых мифов до повествований XX в.” [10, с. 389]. По мнению авторитетного ученого, исходный текст может подвергаться разного рода деформациям и трансформациям, а пути художественного функционирования отдельной темы становятся формами моделирования

пространства, внутренней структуры коллектива или природы конфликтов (причем разновидностью последней формы считается игра). Солидаризуясь с выводами Ю. М. Лотмана, убедительно поддерживающими нашу гипотезу, напомним и следующее его уточнение: “Уже во второй половине XVIII в. сложился литературный канон восприятия “случая”, “карьеры” как результатов непредсказуемой игры обстоятельств, капризов Фортуны” [10, с. 397].

При попытке даже фрагментарного соотнесения текстов “Пиковой дамы” Пушкина и “Счастливой карты” Куприна заметны характерные содержательные совпадения. Сравним: у Пушкина: “Однажды *играли в карты* у конногвардейца Нарумова. Долгая *зимняя ночь* прошла незаметно; сели ужинать в пятом часу утра. <...> – *Германн немец*: он расчетлив, вот и все!” [13, с. 233–234]. “– *Случай!* – сказал один из гостей. – Сказка! – заметил Германн” [13, с. 236].

У Куприна: “*Игра кончилась*. <...> Было часов около восьми *зимнего утра*, и при его сером свете желтые огни оплывших свечей горели как на дневной панихиде. <...> В ответ на замечание собеседника *Миллер* лениво зевнул. Минуты две спустя он сказал: “Этому *немец*у такое дурацкое счастье валит...” <...> бываю изредка такие *случаи*... Необъяснимые, ужасные *случаи*...” [9, с. 370–372].

Курсивом мы выделили абсолютные совпадения, наблюдаемые в двух текстах: сюжетной пружиной в обоих случаях является карточная игра, время развития сюжетного действия – зима, и как особенно характерная параллель видится указание национальности одного из персонажей – немец.

Чрезвычайно важными и интересными представляются наблюдения о “сцеплении” двух начал в творчестве писателя – книжного и жизненного [11, с. 111]: жизненные наблюдения и опыт Куприна могут, как камертоном, проверяться звучанием пушкинского художественного мира. Именно такие акустические переключки слышны в рассказе “Счастливая карта”.

Тайны характера, скрытые переживания человека, не надуманные, а реальные, всегда в центре писательского интереса. Однако “интерес к внутреннему миру у Куприна проявляется по-особому. Его привлекает все непонятное, непостижимое в человеческой психике, ее подсознательные, стихийные силы. Любовь в понимании писателя – чувство неосознанное, стихийное, не подвластное разуму. Это чувство, сильное, непреодолимое, часто приводит купринских героев к физической гибели, но оно же возносит их на пьедестал самой высокой поэзии” [17, с. 143]. Соединив все встречающиеся в текстах Куприна отсылки к пушкинскому творчеству, нельзя не заметить, что такие переключки зачастую выступают как знак художественной реализации темы любви. Любовь и смерть, по мысли В. Этова, – “эстетические

мерила” человека в мире Куприна [21, с. 201]; более того, любовь, особенно бескорыстная, самоотверженная, идеальная любовь, для него – одна из величайших “тайн” человека [21, с. 206].

Частный вариант индивидуальной авторской трактовки тем любви и смерти просматривается в рассказе Куприна “Сентиментальный роман”, который А. А. Хван считает, безусловно, навеянным пушкинским стихотворением “Безумных лет угасшее веселье” [18, с. 5] и дополнительным подтверждением такого влияния называет развитие описания жизни в разножанровых текстах по элегической форме. В рассказе Куприна шопенгауэровский пессимизм естественным образом рифмуется с мыслями о смерти: в книге Шекспира, когда-то читаемой вдвоем, сейчас, в преддверии смерти, оказываются значимыми и многоговорящими страницы, на которых остались “отметки резкие ногтей” [9, с. 486]. В тексте рассказа приведенные слова взяты в кавычки. В примечаниях к изданию отмечается: “...неточная цитата из VII главы “Евгения Онегина” А. С. Пушкина” [9, с. 587]. Слова эти, впрочем, настолько известны, что вряд ли нуждаются в атрибуции. Далее следуют уточнения и дополнительная информация о публикации рассказа: “Впервые [опубликован. – Н. П.] – в газете “Одесские новости”, 1901, № 5195, 26 января, под названием “Больничный цветок”, с подзаголовком “Из женских писем”. В незначительно измененной редакции под названием “Сентиментальный роман” и без подзаголовка рассказ был опубликован в журнале “Родная нива”, 1905, № 15, 9 апреля.

В газетном тексте рассказу был предпослан эпиграф:

И может быть, на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

А. С. Пушкин

Подготавливая рассказ в 1905 г. для журнала “Родная нива”, Куприн снял эпиграф...” [9, с. 586–587].

Можно предположить, что, тщательно обрабатывая окончательную журнальную редакцию, Куприн сознательно снял эпиграф, потому что в виде не прямой, но вполне узнаваемой цитаты, в несколько измененном виде слова пушкинской “Элегии” включены в текст рассказа: “И все-таки эта любовь, блеснувшая на мой печальный закат, была так ясна, так нежна, так болезненно-прекрасна!” [9, с. 488]. Как угадывается в приведенных словах тональность будущего “Гранатового браслета”!

Сходная ситуация наблюдается и в истории публикации рассказа “Осенние цветы”. В последнем, прощальном письме к любимому герою вспоминает об их отношениях, трепетных и целомудренных: “И все-таки наша короткая встреча уже начинается в моем воображении одеваться дымкой какой-то нежной, тихой, поэтической, покорной грусти. Знакомо ли вам

это чудное стихотворение Пушкина: “Цветы осенние милей роскошных первенцев полей... Так иногда разлуки час живее самого свиданья...” [9, с. 508]. В комментариях читаем: “Впервые – в газете “Одесские новости”, 1901, № 5239, 13 марта под названием “Астры”, с подзаголовком “Из женских писем”. В незначительно измененной редакции под названием “Осенние цветы” рассказ был опубликован в журнале “Родная нива”, 1906, № 1, и в журнале “Жизнь”, 1907, № 4. <...> “Цветы осенние милей...” – неточная цитата из стихотворения А. С. Пушкина “Цветы последние милей” [9, с. 588–589]. Но в приводимой в рассказе цитате, если посмотреть с текстологической строгостью, сразу две неточности, поскольку у Пушкина “Живее сладкого свиданья” [12, с. 101]. Вновь напрашивается предположение о намеренном искажении пушкинских слов: в рассказах раннего периода творчества Куприна почти полностью отсутствуют описания чувственной стороны любви, поэтому более значимым оказывается не столько “сладкое свиданье”, сколько сам факт свиданья. Отступления от пушкинского текста способствуют поддержанию лирической интонации повествования и формируют у читателя иллюзию восприятия – “из женских писем”. Написанное от имени молодой женщины письмо исключало описание физических достоинств предмета страсти с почти гастрономическим упоением изголодавшегося человека, натуралистических подробностей свидания, входивших тогда в литературную моду.

Астры упоминаются в рассказе как бы походя – “и только на клумбах, над поникшими, пожелтевшими стеблями других цветов, ярко цветут осенние астры и георгины” – и только один раз. Действительно, для названия рассказа астры явно не подходили. Да еще если бы не это “и георгины”... Вне ряда однородных подлежащих, взятое изолированно название осенних цветов – астры – было бы очевидным намеком на угасшие, увянувшие чувства героев рассказа, но соединительный союз размыкает контактную связь слова “астры” с названием произведения. Рассказ вполне мог быть назван “Розы”, поскольку о розах гораздо более внятно сказано в тексте. Но розы – слишком традиционно, шаблонно, а еще и в сочетании с прилагательным “последние” – получается слишком жеманно, слезливо, уж явно “Из женских писем”. А вот пушкинские строки, в которых, возможно, умышленно допущена неточность (осенние цветы – они же и есть последние) создают дополнительный эмоциональный обертон.

Писатель, чьи юные годы были тесно связаны с армией, не мог не обозначить своего к ней отношения: изображение армейской жизни, характеры “портупейных” людей – от рядовых до высшего офицерства – достаточно часто встречаются в текстах Куприна и зачастую

имеют не просто критический, а обличающий характер (повести “Поединок” и “На переломе (Кадеты)”, роман “Юнкера”, многочисленные рассказы и очерки), что дало основания Г. М. Краевской сделать справедливый вывод о том, что “царская армия представлена как воплощение враждебного писателю...” [7, с. 67]. Обращаясь к едва ли не самому известному тексту Куприна, повести “Поединок”, Л. А. Колобаева резюмирует: “Несостоятельность претензий военного сословия на особую роль – защитников и хранителей национальной чести – показана Куприным многопланово: это отчуждение офицерства от мира невоенного, штатского; измельчавшее представление офицеров о личной чести; отчуждение от национальной культуры, от отечественной истории. Особую роль здесь выполняет эпизод, когда бюст Пушкина превращен офицером Веткиным в мишень. <...> это образ-символ, образ офицерства – антикультурной силы [5, с. 106]. Расширяя приведенные наблюдения, отметим, что антителическим образом-символом, символом культуры служит образ искусства, человека творческого, олицетворяемого у Куприна Пушкиным.

Известно, что Куприн с рыбаками ходил в море, с водолазами спускался на дно, с авиаторами поднимался на воздушном шаре и аэроплане в небо [5, с. 30]. Высокая интенсивность, широкая амплитуда и настойчивость поисков знания жизни, людей, новых впечатлений – самоочевидный факт. Однако в ситуации обновления и насыщения социальных и эстетических интересов неизменными для писателя остаются культурные константы, и одна из самых прочных среди них – пушкинский вектор.

Список использованной литературы

1. Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 годов / И. А. Бунин; под общ. ред. О. Н. Михайлова. – Москва: Наследие, 2000. – 640 с.
2. Даракчі М. І. Повість О. І. Купріна “Суламіф”: інтертекстуальні виміри: автореф. дис. ... канд. філол. наук / М. І. Даракчі. – Дніпропетровськ, 2014. – 20 с.
3. Каштанова И. А. Творческое освоение А. И. Куприным идейно-эстетических принципов Л. Н. Толстого (“Казачи” и “Юнкера”) / И. А. Каштанова // Толстовский сборник. Доклады и сообщения XII Толстовских чтений. – Тула: ТГПИ им. Л. Н. Толстого, 1973. – Вып. 5. – С. 181–191.
4. Кипко Ю. В. О творческом освоении А. И. Куприным романтических традиций поэтики Л. Н. Толстого / Ю. В. Кипко // Толстовский сборник. Доклады и сообщения XII Толстовских чтений. – Тула: ТГПИ им. Л. Н. Толстого, 1973. – Вып. 5. – С. 192–203.
5. Колобаева Л. А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX–XX вв. / Л. А. Колобаева. – Москва: Изд-во МГУ, 1990. – С. 89–114.
6. Краевская Г. М. Традиции Н. В. Гоголя в творчестве раннего А. И. Куприна / Г. М. Краевская // Вопросы русской литературы. – Львов: Вища школа, 1984. – Вып. 2 (44). – С. 78–84.
7. Краевская Г. М. Цвет и его функция в повести “Поединок” А. И. Куприна / Г. М. Краевская // Вопросы русской литературы. – Львов: Вища школа, 1989. – Вып. 1 (53). – С. 67–74.
8. Куприн А. И. Собрание сочинений: в 6 т. / А. И. Куприн. – Москва: ГИХМ, 1957. – Т. 1. – 590 с.
9. Куприн А. И. Собрание сочинений: в 6 т. / А. И. Куприн. – Москва: ГИХМ, 1957. – Т. 2. – 591 с.
10. Лотман Ю. М. “Пиковая дама” и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века / Ю. М. Лотман // Избранные статьи: в 3 т. – Таллинн, 1992. – Т. II. – С. 389–415.
11. Полоцкая Э. Реализм Чехова и русская литература конца XIX – начала XX века (Куприн, Бунин, Андреев) / Э. Полоцкая // Развитие реализма в русской литературе. – Москва, 1974. – Т. 3. – С. 110–138.
12. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. / А. С. Пушкин. – Москва: ГИХЛ, 1959. – Т. 2. – 799 с.
13. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. / А. С. Пушкин. – Москва: ГИХЛ, 1959. – Т. 5. – 663 с.
14. Розанов В. В. О писательстве и писателях / В. В. Розанов. – Москва: Республика, 1995. – 735 с.
15. Скубачевская Л. А. Специфика и функции мотивов в очерке “Тишина” из цикла А. И. Куприна “Листригоны” / Л. А. Скубачевская // Вісник Харківського нац. ун-ту. Серія “Філологія”. – Харків, 2004. – Вип. 40. – № 627. – С. 148–161.
16. Соловьев А. Н. Развитие читательской активности. К изучению повести А. И. Куприна “Поединок” / А. Н. Соловьев // Русская словесность. – 2002. – № 6. – С. 20–25.
17. Трофимова Л. П. Эстетический идеал А. И. Куприна и психология его личности (к вопросу о романтических тенденциях в творчестве писателя) / Л. П. Трофимова // Вопросы истории, филологии и педагогики. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1967. – Вып. 2. – С. 137–145.
18. Хван А. А. Метафизика любви в произведениях А. И. Куприна и И. А. Бунина: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Хван. – Москва, 2002. – 20 с.
19. Ходотов Н. Н. Близкое – далекое / Н. Н. Ходотов. – Москва; Ленинград: Искусство, 1962. – 328 с.
20. Щербина И. В. Символика розы в рассказе А. И. Куприна “Гранатовый браслет” / И. В. Щербина // Русская словесность. – 2004. – № 4. – С. 40–43.
21. Этов В. Четыре урока Куприна / В. Этов // Лит. учеба. – 1984. – № 4. – С. 199–207.

Статья поступила в редакцию 05.01.2015.

Підмогильна Н. В. Пушкінізм О. І. Купріна

У статті розглянуто питання про вплив на творчість О. І. Купріна Пушкіна, таланту якого Купрін поклонявся протягом усього творчого шляху. Пушкінізм Купріна виявляється як деякий естетичний код, що пронизує всі рівні поетики його художніх текстів: і образність, і характеристики персонажів, і мотиви. Висока інтенсивність, широка амплітуда й наполегливість пошуків знання життя, людей, нових вражень – очевидний факт. Однак у ситуації оновлення й насичення соціальних та естетичних інтересів незмінними для письменника залишаються культурні константи, і одна з найбільш сталих серед них – пушкінський вектор.

Ключові слова: О. І. Купрін, О. С. Пушкін, пушкінізм, вплив, мотив, текстологічний аналіз.

Podmogilnaya N. A. I. Kuprin's Pushkin

The purpose of this article is to examine the question of the presence of A.S. Pushkin in Kuprin's literary world, whose worship talent Kuprin was worshipping throughout his career as a writer. To achieve this aim a textual analysis of Kuprin's prose is applied. The relevance of the topic can be explained, in particular, by the fact that none of the known works devoted attention to this question, although the features of the genre and style of Kuprin's prose was not once correlated with the traditions of L. Tolstoy, N. Gogol and other Kuprin's predecessors and contemporaries.

It is proved that Pushkin was for Kuprin a kind of a rhyme to the harmony of life, its expressive and verbalized focus, Pushkin was included in the overall system of what every artist might treat an aesthetic ideal of the beautiful in life. Kuprin's Pushkin is detected as a certain aesthetic code, penetrating all levels of the poetics of literary texts, imagery, characters and motives. Thus, the often encountered in Kuprin's works motive of card game, especially evident in the stories "Darkness" and "Lucky card", can be rightfully correlated with Pushkin's "Queen of spades", where this motif acts as a major plot, one of the semantic centers of the story's meaning. Given Kuprin's preferences in reading and literary tastes, with high probability we can say that Pushkin's "Queen of spades" was an invariant basis of his story "Lucky card". By fragmentary correlating the texts "Queen of spades" by Pushkin and "Lucky card" by Kuprin noticeable characteristics of meaningful coincidences were discovered.

The mysteries of one's character, hidden human emotions, not flimsy, but real, are always at the center of literary interest. Combining all references to Pushkin's creative work found in the texts by Kuprin, it must be noted that such allusions often act as a sign of artistic realization of the love theme. A special version of the author's individual interpretation of the themes of love and death is considered in Kuprin's story "A sentimental novel", which is inspired by Pushkin's poem "Elegy". In the story Kuprin's Schopenhauerean pessimism naturally rhymes with thoughts about death.

High intensity, wide amplitude and persistence of seeking knowledge of life, people, new experiences is the self-evident fact. However, in a situation when social and aesthetic interests are updating, some cultural constants remain unchanged for the writer, and one of the most durable among them is Pushkin's vector.

Key words: A. I. Kuprin, A. S. Pushkin, Pushkinism, influence, motif, textual analysis.